

Робин Хобб – Ученик убийцы

ПРЕДЫСТОРИЯ

История Шести Герцогств – это прежде всего история правящей семьи Видящих.

Повествование о нем следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого Герцогства. Деяния тех островитян давно стерлись из памяти, а иначе мы могли бы узнать, как они совершали набеги с моря и разбойничали на побережьях, где климат был более мягким, чем на заледенелых скалах Внешних островов. Но имен этих пиратов история не сохранила.

Что же до первого настоящего короля, то о нем известно немного – только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель – таким было его имя, очень простое. Возможно, именно тогда возникла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры. Считалось, что эти имена присваивались новорожденным при помощи магии и после этого королевские отпрыски не в силах были изменить уготованную им стезю. От роду детям избранникам было предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра. Так говорят. Красивая сказка.

Возможно, и правда был когда-то подобный ритуал. Какое давалось имя, такой становилась и вся жизнь. Так бывало часто, но не всегда.

Мое перо дрожит, потом выпадает из рук, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист в тщетной, как я уверен, попытке. Не знаю, смогу ли записать эту историю, или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, которая, как я думал, давно умерла. Я полагал, что излечился от своей ненависти, но как только прикасаюсь пером к бумаге, боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться, что каждая аккуратная черная буква царапает по старой, незажившей ране.

Оба, и Федврэн и Пейшенс Терпеливая, весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, хватило бы только у меня сил. Работа меня отвлечет, займет время, и я забуду о своей боли. Но каждое историческое событие, которого я касался, только пробуждало к жизни темные пятна моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить в сторону эту работу или позволить ей воссоздать все то, что в свое время сформировало меня. Итак, я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно предавать гласности. Стоит ли излагать их на бумаге только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Возможно.

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего – только пропасть, которой я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Но затем воспоминания внезапно становятся ясными и подробными настолько, что поражают меня. Иногда они слишком подробны, и я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Вызываю ли я их из собственной памяти или из рассказов кухонной прислуги и стад конюшенных мальчиков, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности – результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это яркое покрывало Скилла и более поздних снадобий, которые человек принимает, чтобы контролировать свою привычку к нему, – снадобий, которые сами по себе создают боль и влечение? Последнее наиболее вероятно. Остается надеяться, что дело все-таки не в этом.

Воспоминание почти физическое: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я промок насквозь, ледяной булыжник причудливых городских улиц и даже мозолистая грубость огромной руки, сжимающей мою ладонь. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и грубая, и моя ладонь была крепко сжата, и тем не менее она казалась теплой и не злой. Просто сильной. Она не давала мне поскользнуться на обледеневших улицах, но также не давала избежать моей участи. Она была беспощадной, как ледяной серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную,

засыпанную гравием дорожку, ведущую к огромным деревянным дверям массивного здания, которое возвышалось в центре города как настоящая крепость.

Двери были высокие – даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчике. Они были достаточно большие, чтобы принять гигантов, и делали карликом даже широкоплечего крепыша, который башней возвышался рядом со мной. И они показались мне странными, хотя я не могу вспомнить вид дверей, которые были обычными для меня в то время. Эти деревянные резные двери, обитые железом, украшенные головой оленя и сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, что долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все это начинается здесь, за дверьми массивного дома, когда моя маленькая рука стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так я себе это представляю. Занавес раскрылся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик поднял медный молоток и один, два, три раза обрушил его на железную пластину, резонирующую под его ударами. И потом раздался голос – не из дверей, а сзади, оттуда, откуда мы пришли.

– Отец, пожалуйста, – молила женщина. Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевная завеса, цеплявшаяся к ресницам и покрывавшая рукава. Не могу вспомнить, чтобы я кого-нибудь увидел. Конечно, я не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Вместо этого я стоял, наблюдая, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она позвала в последний раз. Я все еще отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

– Отец, пожалуйста, я умоляю! – Рука, державшая меня, задрожала – от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломать упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы только слышал эту историю. Нет, моя память сохранила солдата, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц, а не вышколенного слугу. Он оглядел с ног до головы меня и старика с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, это немного смутило старика, но вызвало не страх, а злобу, потому что он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

– Я принес мальчишку вам, – прохрипел он. Страж дома продолжал молча смотреть на него, без осуждения и даже любопытства, и старик добавил: – Шесть лет кормил его за моим столом, не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки и ни разу не видел его, хотя моя дочь дала мне понять, что он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить его и ломать спину за плугом, чтобы прикрыть одеждой его спину. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя женщина стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один мужчина – когда этот щенок цепляется за ее платье. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому что, насколько помню, не очень сильно ушибся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник глянул вниз, слегка сжав зубы, – не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

– Дык чей он? – спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а просто для того, чтобы узнать побольше, а потом доложить хозяину.

– Чивэла, – сказал старик, уже поворачиваясь ко мне спиной и начиная свой размеренный путь по покрытой гравием дорожке. – Принц Чивэл. – И, не оглядываясь, добавил: – Тот, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы

получить возможность закрыть дверь. Он отпустил меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

– Поднимайся, парень, и пойдем со мной, – сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо по-спартански обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил свою одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить волосы, но был ли это порыв добросердечности, чтобы произвести на меня хорошее впечатление, или просто стремление показать, что с доверенной ему посылкой он обращался аккуратно, – я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двойным дверям. Постучав, стражник не стал ждать ответа – по крайней мере я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

Эта комната была теплой настолько же, насколько холодным показался мне коридор, и выглядела жилой, в то время как остальные, мимо которых мы проходили, были пустыми. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры и, кроме того, полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, который всегда бывает в удобных жилых комнатах. В массивном очаге горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым запахом. Необъятный стол стоял под углом к огню, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом своих черных глаз охватил и меня и стражника.

– Ну, Джасон? – спросил он. Несмотря на свой нежный возраст, я различил в его голосе унылую покорность грубому вторжению в его работу. – В чем дело?

Страж легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

– Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это ублюдок принца Чивэла.

Несколько мгновений волосатый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде; скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось. Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, лохматая, как шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубашки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чернилах. Он смотрел на меня, удивленно подняв густые брови, его улыбка делалась все шире, пока наконец он не издал веселое фырканье:

– Черт возьми, паренек действительно похож на Чивела, верно ведь, Эда Плодородная? Кто бы мог ждать такого от моего прославленного добродетельного братца?

Стражник ничего не ответил, впрочем, от него этого никто и не ждал. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат!

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

– Сколько лет? – спросил он стражника.

– Этот пахарь сказал, стало быть, шесть. – Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил: – Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

– Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы ее живот подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьурды пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже – не только за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? – Он помолчал и внезапно спросил: – Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник промолвил:

– Дык... кто ж ее знает, сир? Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот ублюдок принца Чивэла и что он не хочет его кормить и одевать не хочет. Сказал, стало быть, что кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

– Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю – в крайнем случае через две – она будет топтаться у кухонных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю – если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут какой-то затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалось то медной, то золотой, то красной.

– Мальчик, – ответил я. Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба этих чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

– Ладно, – сказал он, – что-то надо с ним делать, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джасон, проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, – хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

– Сир, – сказал Джасон, без согласия или несогласия, а просто принимая распоряжение. Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел, немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги начало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то оттаял бы весь. Но рука стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенил рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

– Ты намокший маленький щенок, – проворчал он беззлобно и понес меня дальше по поворотам и ступенькам, все дальше и дальше,

навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели, развалиясь, полдюжины других стражников и ели и пили за большим щербатым столом, стоявшим у огня, – стол этот был почти вдвое больше того, что в кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джасон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

– Вот, Баррич, – сказал Джасон как о чем-то само собой разумеющемся, – вот этот вот щенок для тебя, – и отвернулся. Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку, величиной с его кулак, и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил свою кружку и оглянулся на Джасона.

– Что это? – спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты. У него была та же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа была обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее коричневыми, чем черными, длинные пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожами.

– Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити сказал.

– Почему?

– Ну так ты же человек Чивэла, верно? Смотришь за его лошадьми, собаками и ястребами?

– Ну?

– Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джасон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем, ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой

практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там помести лось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

– Мальчишка Чивэла?

Джасон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра теперь уже для себя.

– Так сказал старик, который его сюда приволок, – он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огромный кусок и потом заговорил с полным ртом: – Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил свою кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманными.

– Если у моего хозяина нет наследника – это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

– Так-то оно так, – поспешно согласился Джасон, – араз есть этот мальчишка, значит, твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. – Он поспешно вытер рот рукавом. – Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал – вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джасон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпускал меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

– Для леди это будет большим испытанием, – промолвил Баррич.

Он отпустил мой подбородок и неловко отступил, чтобы поднять мой хлеб и сыр. Отряхнув их, он вручил мне обратно мой ужин. Я смотрел на плотную повязку на его правой икре и колене, которая не давала ему согнуть ногу. Он снова сел и налил себе чего-то из стоявшего на столе кувшина, потом начал пить, изучая меня через край кружки.

– И с кем это его сделал Чивэл? – неосторожно спросил какой-то человек на другом конце стола.

Баррич метнул в его сторону быстрый взгляд, его кружка со стуком опустилась на стол. Некоторое время он молчал, и я почувствовал, что в кухне снова повисла тишина.

– Я бы сказал, что это дело принца Чивэла, а не твое, – процедил он.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился стражник. Джасон согласно закивал головой, как пританцовывающий перед подругой петух. Как ни мал я был, но все равно задумался: что же это за человек с забинтованной ногой, который может держать в повиновении полную комнату здоровых мужчин при помощи только слов и взглядов?

– У пацана нет имени, – Джасон отважно нарушил молчание, – его звали просто мальчиком.

От этого заявления, по-видимому, все, даже Баррич, потеряли дар речи. Пока все молчали, я доел хлеб, сыр и мясо и даже сделал два-три глотка из кружки, протянутой мне Барричем. Остальные солдаты постепенно покидали комнату, группами по двое и по трое, а он все сидел и смотрел на меня.

– Что ж, – сказал он наконец, – насколько я знаю твоего отца, он примет это честно и сделает то, что должно, но только Эде известно, что он сочтет честным и должным. Вероятно, то, отчего ему будет больше всего. – Баррич еще некоторое время молча наблюдал за мной и спросил: – Ты сыт?

Я кивнул, и он с трудом встал, вытащил меня из-за стола и поставил на ноги.

– Тогда пойдем, Фитц, – сказал он и двинулся из кухни к другому коридору. перевязанная нога делала его походку немного неуклюжей. Возможно, свое дело сделало и пиво. Мне, конечно, нетрудно было за

ним поспевать. Наконец мы подошли к тяжелой двери и стражнику, который кивком пропустил нас, бросив на меня любопытный взгляд.

Снаружи дул холодный ветер. Лед и снег, размякшие за день, с приходом ночи снова затвердели. Под ногами у нас хрустело, а ветер, казалось, пронизывал меня насквозь. Мои ноги немного согрелись у кухонного очага, но штаны не успели высохнуть, и скоро я весь продрог. Помню темноту и ужасную усталость – мне хотелось заплакать от желания спать, – навалившуюся на меня, когда я тащился вслед за этим странным человеком через холодный темный двор. Вокруг чернели высокие толстые стены, по верху которых время от времени двигались стражники – темные тени, которые можно было различить только потому, что они закрывали от меня звезды. Холод мучил меня, я спотыкался и скользил по ледяной дорожке. Но что-то в Барриче не позволяло мне скулить и просить о снисхождении. Я просто упорно следовал за ним. Наконец мы дошли до какого-то здания, и он распахнул тяжелую дверь.

Тепло, запах животных и мутный желтый свет хлынули изнутри. Заспанный конюшенный мальчик сел в своем соломенном гнезде, моргая, как едва оперившийся птенец. Услышав голос Баррича, он снова улегся, свернувшись в маленький комочек в куче соломы, и закрыл глаза. Мы прошли мимо него, и Баррич запер за нами дверь. Он взял тусклый фонарь, висевший у двери, и повел меня вперед.

Я попал в другой, ночной мир, в котором шевелились и громко дышали в стойлах лошади, где собаки поднимали голову со своих скрещенных лап, чтобы взглянуть на меня, сверкая в свете фонаря зелеными или желтыми глазами. Лошади беспокойно похрапывали, когда мы проходили мимо их стойл.

– Ястребы там, в дальнем конце, – сказал Баррич, когда мы шли мимо нескончаемого ряда лошадей. Судя по всему, мне это надо было знать, и я принял его сообщение как должное.

– Побудешь здесь, – сказал он наконец, – по крайней мере первое время. Будь я проклят, если знаю, что еще с тобой делать. Если бы не леди Пейшенс, я бы сказал, что Господь славно подшутил над хозяином. Эй, Ноузи, подвинься немножко и дай мальчику место на соломе. Вот молодец! Давай прижмись к Виксен. Она примет тебя и как следует задаст любому, кто захочет тебя побеспокоить.

Я оказался перед просторным отдельным стойлом, в котором спали три собаки. Они проснулись, прутики их хвостов заколотили по соломе при звуках голоса Баррича. Я начал медленно пробираться между ними и улегся рядом со старой сукой с поседевшей мордой и оторванным ухом. Матерый пес смотрел на меня с явным подозрением, но третий был щенок и приветствовал меня, лизнув в ухо, укусив за нос и радостно царапая лапами в щенячем восторге. Я обнял его, чтобы уgomонить, и устроился поближе к Виксен, как посоветовал Баррич. Он набросил на меня плотное одеяло, которое сильно пахло лошадьми. Очень большой серый конь в соседнем стойле внезапно зашевелился, несколько раз ударил копытом по перегородке и свесил голову ко мне, чтобы выяснить причину ночного переполоха. Баррич похлопал его по спине, и конь тут же успокоился.

– На этой заставе всем нам приходится туго. В Оленьем замке тебе больше понравится. А сегодня и здесь тебе будет тепло и безопасно.— Он постоял еще немного, глядя на нас.— Лошадь, собака и ястреб, Чивэл. Я смотрел за ними для вас много лет и делал это хорошо. Но этот ваш парнишка – уж с ним что делать, я не знаю.

Я знал, что он говорит не мне. Я наблюдал через край одеяла, как он снял с крючка фонарь и пошел прочь, тихонько ворча. Хорошо помню эту первую ночь, тепло собак, колкую солому и даже сон, который наконец пришел, когда щенок свернулся около меня. Я вплыл в его сознание и разделил его смутные сны о бесконечной погоне, преследовании добычи, которой я никогда не видел, но чей горячий запах увлекал меня вперед по камням сквозь крапиву, куманику.

С собачьим сном мои воспоминания начинают колебаться, как яркие цвета и четкие грани в наркотическом сне. Дни, следовавшие за первой ночью, запечатлелись в моей памяти хуже.

Я вспоминаю последние слякотные дни зимы, когда я изучал путь от моего стойла до кухни. Я мог свободно оттуда уходить и возвращаться обратно. Иногда там бывал повар, который подвешивал мясо на крюке над очагом, замешивал тесто для хлеба или вскрывал бочки с напитками. Чаще же всего на кухне не было никого, и я брал все, что оставалось на столе, и щедро делился со щенком, который быстро стал моим постоянным спутником. Мужчины приходили и уходили, ели, пили и рассматривали меня с нескрываемым любопытством, которое я вскоре научился не замечать. Все они были

похожи друг на друга одинаковыми шерстяными штанами и плащами, крепкими телами и легкими движениями. Над сердцем все они носили пряжку с изображением прыгающего оленя. От моего присутствия некоторым из них было как-то не по себе. Я уже привык к гулу голосов, поднимавшемуся, как только я покидал кухню.

Баррич в эти дни все время был рядом, заботясь обо мне так же, как о животных Чивэла, – я был накормлен, напоен и выгулян, – хотя обычно в качестве прогулки я рысью бегал за ним, пока он делал свою работу. Но эти воспоминания расплывчаты, а детали – такие как умывание или переодевание, – вероятно, поблекли, поскольку в шесть лет такие вещи мы считаем обычными и не стоящими внимания. Конечно же, я помню щенка, Ноузи. Шерсть его была рыжей, гладкой, короткой и немного щетинистой, она колола меня через одежду, когда по ночам мы устраивались на одной попоне. Глаза у него были зелеными, как медная руда, нос цвета жареной печени, а пасть и язык были пестрыми – в розовых и черных пятнах. Если мы не ели на кухне, то боролись во дворе или на соломе в стойле. Таким был мой мир в то время, когда я находился там. Наверное, это продолжалось недолго – я не помню, чтобы менялась погода. Все мои воспоминания об этом времени – это сырые дни, снег, ветер и лед, который подтаивал днем, но за ночь снова становился крепким.

Еще одно помню я о том времени, хотя и не очень отчетливо. Скорее, это теплое, слабо окрашенное воспоминание, похожее на старый гобелен, если смотреть на него в полумраке. Как-то я проснулся, разбуженный вертевшейся собакой и желтым светом фонаря, который кто-то держал надо мной. Два человека стояли, согнувшись, рядом, но за их спинами виднелся Баррич, и я не испугался.

– Ты его разбудил, – предупредил один из них. Это был принц Верити, человек из теплой комнаты моего первого вечера.

– Да? Он снова заснет, как только мы уйдем. Будь он проклят, у него действительно отцовские глаза. Клянусь, я узнал бы в нем кровь, где бы ни увидел. Никто в этом не усомнится. Разве у вас с Барричем ума не больше, чем у блох? Незаконнорожденный он или нет, но не держать же ребенка в стойле под ногами у животных? Неужели вам больше некуда было его деть? – говоривший был похож на Верити линией подбородка и глазами, но на этом сходство заканчивалось. Этот

человек выглядел гораздо моложе. У него не было бороды, надушенные и приглаженные волосы были тоньше и светлее. Его щеки и лоб покраснели от ночного холода, но видно было, что это скоро пройдет, в отличие от обветренной красноты Верити. Кроме того, принц одевался, как и его люди, в удобную грубошерстную одежду из плотной пряжи мягких цветов. Только изображение оленя у него на груди было вышито золотыми и серебряными нитками. Что касается второго человека, то он сверкал множеством оттенков алого и нежно-розового. Его плащ был сделан из куска ткани вдвое более широкой, чем нужно, чтобы закрыть человека. Дублет цвета жирных сливок, выглядывающий из-под него, был богато отделан кружевами. Шарф у него на горле скреплялся золотой пряжкой в виде скачущего оленя с глазом из зеленого драгоценного камня. Мягкий говор мог бы сравниться с перевитой золотой цепью, тогда как речь Верити состояла из прямых металлических звеньев.

– Да я как-то не подумал об этом, Регал. Что я знаю о детях? Я передал его Барричу. Он человек Чивэла, и раз он ухаживает за...

– Я не хотел быть непочтительным с сыном хозяина, сир,— смутился Баррич,— я человек Чивэла и делал для мальчика все, что мог, как мне казалось. Я мог бы постелить ему в караульной. Но он мал еще, чтобы все время быть в компании здоровых мужчин, которые то приходят, то уходят, пьют, дерутся и ругаются...— По его тону было ясно, какую неприязнь сам он испытывает к их компании.— А здесь тихо, да и щенок к нему привязался. И Виксен присматривает за ним ночью и покусает любого, кто попробует его тронуть. Мои лорды, я сам не много знаю о детях, и мне казалось...

– Ладно, Баррич, ладно,— перебил его Верити,— если бы об этом надо было думать, я сделал бы это сам.

Раз я прислал мальчика к тебе – значит, так надо. Все равно ему здесь лучше, чем другим окрестным детям, Эда знает. Пока все в порядке.

– Но это должно измениться, когда он вернется в Баккип, – голос Регала Царственного звучал недовольно.

– Так отец хочет, чтобы мы забрали его в замок? – вопрос исходил от Верити.

– Отец хочет. Моя мать – нет.

– О! – По тону Верити было ясно, что он не заинтересован в продолжении этого разговора. Но Регал нахмурился и продолжал:

– Моя мать, королева, вовсе не в восторге от всего этого. Она долго уговаривала короля, но ничего не добила. Мать и я считаем, что этого мальчика нужно... устранить. Это будет разумным. Путаницы по линии наследования и так хватает.

– Не вижу сейчас никакой путаницы, Регал.– Верити говорил спокойно. – Чивэл, я, а потом ты. Потом наш кузен Август. Этот незаконнорожденный малыш будет только пятым.

– Я прекрасно знаю, что ты идешь впереди меня. Необязательно тыкать это мне в нос при каждом удобном случае, – холодно заметил Регал и посмотрел на меня,– я по-прежнему думаю, что лучше бы его здесь не было. Что, если Пейшенс никогда не родит от Чивэла законного наследника? Что, если он решит признать этого... ребенка? Тогда могут начаться раздоры среди знати. Зачем искушать судьбу? Это мнение мое и моей матери. Но наш отец, как мы все знаем, не любит торопиться. Шрюд Проницательный, он и есть проницательный, как говорят простые люди. Он строго-настрого запретил в это вмешиваться. «Регал, – сказал он в своей любимой манере, – не делай ничего, что потом не сможешь исправить, пока не поймешь, чего ты уже не в силах что-либо изменить, когда сделаешь это». Потом он засмеялся. – Регал тоже издал короткий, полный горечи смешок. – Я так устал от его юмора.

– О,– снова сказал Верити. Я лежал тихо и думал, пытается ли он найти смысл в словах короля или воздерживается от ответа на сетования своего брата.

– Ты, конечно, понимаешь истинную причину, – заявил Регал,– а именно: он по-прежнему расположен к Чивэлу.– В голосе Регала слышалось отвращение.– Несмотря ни на что. Несмотря на его дурацкую женитьбу и сумасбродную жену. Несмотря на все эти неприятности. А теперь он думает, что это заставит людей относиться к нему лучше. Это докажет им, что Чивэл настоящий мужчина и может зачать ребенка. Кроме того, они увидят, что наследник тоже человек и может ошибаться, как и они сами.– По голосу Регала было ясно, что он со всем этим не согласен.

– И это заставит народ полюбить его и даст какую-то поддержку, когда ему достанется трон? То, что он зачал ребенка с какой-то

простолюдинкой еще до того, как женился на королеве? – Казалось, Верити был сбит с толку этой логикой.

Голос Регала показался мне раздраженным.

– Так, по-видимому, думает король. Его, очевидно, совершенно не трогает это бесчестье. Но я подозреваю, что у Чивэла будет другое мнение относительно его сынка. Особенно если это коснется его ненаглядной Пейшенс. Но король распорядился, чтобы ты привез мальчишку с собой в Баккип, когда поедешь туда.– Регал посмотрел на меня с мрачным удовлетворением.

Верити огорчился, но все же кивнул. Лицо Баррича потемнело, и тень эту не мог рассеять желтый свет фонаря.

– Разве слово моего господина ничего не значит в этом деле? – отважился возразить солдат. – Если он захочет уладить дела с семьей мальчика и отправить его назад, неужели ему не будет предоставлена свобода действий во имя спокойствия моей госпожи Пейшенс?

Принц Регал прервал его насмешливым фырканьем: – Время для свободы действий у него было до того, как он повалил эту девку на койку. Леди Пейшенс не первая женщина, вынужденная встретиться с внебрачным сыном мужа. Здесь уже все до одного знают о его существовании, и виной этому безалаберность Верити. Нет никакого смысла прятать его. Как только королевский бастард будет признан, никто из нас не сможет похвастаться спокойствием, Баррич. Оставить мальчишку в таком месте, как это, – все равно что оставить меч, занесенный над горлом короля. Это, конечно, понятно даже псарю – а если нет, то твой хозяин тебе потом объяснит.– В голосе Регала появился лед, и Баррич вздрогнул. До этого я ни разу не видел его испуганным. Мне стало страшно, я натянул одеяло на голову и глубже зарылся в солому. Рядом со мной глухо зарычала Виксен. Думаю, именно это заставило Регала отступить, но не могу быть в этом уверен. Мужчины вскоре ушли, и если они и говорили еще о чем-нибудь, то это не сохранилось в моей памяти.

Время шло. Думаю, прошло две или три недели до того момента, как я вспоминаю себя цепляющимся за пояс Баррича и обхватившим его лошадь короткими ногами, – мы начинали казавшееся мне тогда нескончаемым путешествие из холодной деревни в далекие теплые края.

Полагаю, Чивэл должен был встретить нас где-то по пути, чтобы посмотреть на бастарда, которого он породил, и осудить себя. Но встречи с отцом я не помню. Единственный его образ, который я ношу в своем сердце,— это портрет на стене в Оленьем замке. Спустя много лет мне дали понять, что он был по-настоящему хорошим дипломатом, начал переговоры и заключил мир, продолжавшийся на протяжении моего отрочества, и тем заслужил уважение и даже любовь чьюрдов.

По правде говоря, я был его единственной неудачей в тот год — зато величайшей неудачей. Он раньше нас приехал в Баккип, где и отрекся от своего права на трон. К тому времени, когда мы прибыли, он и леди Пейшенс уже покинули двор и отправились править Ивовым Лесом. Я был там. Это название не имеет никакого отношения к тому, что там находится на самом деле. Это теплая долина, гнездящаяся у подножия холмов, расположенная на тихой реке. Там надо выращивать виноград, зерно и толстощеких детишек. Это тихое владение было очень далеко от границ, придворных интриг и всего, что до того было жизнью Чивэла. Его растительная жизнь была мягким и вежливым изгнанием для человека, который должен был стать королем. Бархатная удавка для воина и блестящего дипломата. Итак, я прибыл в Баккип — одинокий ребенок, незаконный сын человека, которого никогда не знал. Скоро принц Верити стал законным наследником, и принц Регал передвинулся на ступеньку ближе к заветному трону. Если бы я только родился, был обнаружен и сразу сгинул без следа, это все равно бы оставило в истории Шести Герцогств неизгладимый след. Я вырос без отца и матери при дворе, где меня считали причиной всех бед. И я действительно стал причиной всех бед.

НОВИЧОК

Существует множество преданий о Завоевателе, первом королевском островитянине. Он провозгласил Баккип Первым Герцогством и основал королевский род. Одна из легенд гласит, что набег, который он совершил, был первым и единственным, сделанным с холодных суровых островов, породивших его. Говорят, увидев деревянные стены Оленьего замка, он сказал: «Если там есть огонь и еда, я отсюда не уйду». В замке было и то и другое, и он остался.

Но семейные предания гласят, что он был плохим моряком, заболел от качки и соленой рыбы, которую обожали остальные островитяне. Его и его команду много дней носило по океану, и если бы он не умудрился захватить Баккип, собственная команда утопила бы его. Тем не менее на старом гобелене в большом зале он изображен могучим мужчиной, стоящим на носу корабля и свирепо улыбающимся, в то время как гребцы несут его к древнему Оленьему замку, сооруженному из плохо обработанного камня и дерева.

Баккип строился как надежная крепость в устье судоходной реки у залива, с превосходными якорными стоянками. Какой-то мелкий вождь, чье имя затерялось в глубинах истории, увидел возможность контролировать отсюда торговлю на реке и построил первую крепость. По-видимому, он сделал это, чтобы защитить местные земли от набегов островитян, которые каждое лето разграбляли берега реки. Чего он не мог предвидеть так это того, что предательство откроет захватчикам двери его укреплений. Башни и стены стали опорным пунктом островитян, откуда они двинулись вдоль по реке, оккупируя все новые и новые земли. Перестраивая свой деревянный форт, они в конце концов превратили его в сердце Первого Герцогства, и постепенно он стал столицей королевства Шести Герцогств.

Видящие – правящая династия Шести Герцогств – произошли от этих островитян. Несколько поколений сохраняли связи с островами, навещая их, и возвращались домой с пышными темноволосыми женами из своего собственного народа. Таким образом, кровь островитян все еще была сильна в королевской линии и наиболее

благородных домах, производя сильных темноглазых, темноволосых детей. Вместе с тем по наследству передавалась и предрасположенность к Скиллу со всеми опасностями и слабостями, наследуемыми с этой кровью. Я тоже получил свою долю этого наследства.

Но мой первый опыт в Оленьем замке был далек от истории или наследственности. Я воспринимал его только как конечную точку путешествия, мешанину шума, людей, собак, повозок, зданий и кривых улочек, которая наконец привела к огромному каменному замку. Он стоял на скалах и царил над городом, раскинувшимся под его стенами. Лошадь Баррича устала и часто спотыкалась на грязном булыжнике городских улиц. Я вцепился в пояс солдата, тоже слишком усталый и разбитый даже для того, чтобы жаловаться. Один раз я поднял голову, чтобы посмотреть на высокие серые башни и стены крепости над нами. Даже незнакомое мне тепло морского бриза не уменьшало ее холодной непривлекательности. Я уткнулся лбом в спину Баррича. Меня затошнило от солоноватого йодистого запаха необъятной водной глади. Так я и прибыл в Баккип.

Жилье Баррича располагалось над стойлами, недалеко от соколиных клеток. Туда он и отвел меня вместе с собаками и ястребом Чивэла. Сперва он занялся птицей, сильно запачкавшейся во время путешествия. Собаки были в ужасном возбуждении от того, что наконец оказались дома. Они изливали на все вокруг потоки безудержной энергии, которую нелегко было вынести человеку, уставшему так, как устал я. Ноузи сбивал меня с ног около полудюжины раз, пока я не вколотил в его упрямую голову, что устал, почти болен и совершенно не в настроении с ним играть. Он выслушал меня и отреагировал как любой нормальный щенок, немедленно найдя новых друзей и ввязавшись в псевдосерьезную драку, которую быстро прекратил грозный окрик Баррича. Может, он и был человеком Чивэла, но здесь, в Оленьем замке, он был хозяином собак, ястребов и лошадей.

Разобравшись с привезенными животными, он прошелся по стойлам проверить, что там было без него. Грумы, конюхи и сокольничьи возникали словно из-под земли, защищая своих подопечных от суровых выговоров Баррича. Я рысью бежал за ним, покуда хватало сил не отставать, и только когда я окончательно сдался

и устало рухнул на кучу соломы, он, казалось, меня заметил. Лицо его стало раздраженным, и он выглядел невероятно усталым.

– Эй, Коб! Возьми юного Фитца на кухню и проследи, чтобы его там накормили, а потом приведи обратно сюда.

Коб был темноволосым мальчуганом с псарни, лет десяти от роду, которого только что похвалили за здоровый помет, полученный в отсутствие Баррича. Минуту назад он словно купался в одобрении хозяина, а теперь его улыбка исчезла, и он с сомнением посмотрел на меня. Некоторое время мы изучали друг друга, а Баррич пошел вдоль стойл, и за ним семенили его подчиненные. Потом мальчик пожал плечами и слегка нагнулся, чтобы взглянуть мне прямо в лицо.

– Ты, значит, голодный, Фитц? Сейчас найдем тебе поесть, – приветливо сказал он тем же тоном, каким только что уговаривал щенят выйти на свет, чтобы Баррич смог их рассмотреть. Я облегченно кивнул, потому что он ждал от меня не больше, чем от своих щенят, и пошел за ним. Коб часто оглядывался, проверяя, поспеваю ли я за ним. Не успели мы выйти из конюшни, как, виляя хвостом, прибежал Ноузи, ему хотелось пойти с нами. Очевидная привязанность собаки подняла меня в глазах Коба, и он продолжал разговаривать с нами обоими короткими ободряющими фразами: мол, скоро уже мы сможем поесть, а теперь пошли... нет, не надо нюхать эту кошку... пошли, пошли, вот хорошие мальчики.

В конюшне царила суматоха, люди Верити ставили своих лошадей и вешали сбрую, а Баррич ко всему придирался и ругал за то, что не было сделано согласно его распоряжениям за время его отсутствия. Люди неслись мимо нас с самыми разнообразными поручениями: мальчик, который тащил на плече тяжеленный кусок бекона, стайка хихикающих девушек с огромными рассыпающимися охапками вереска и тростника в руках, мрачный старик с корзиной еще трепещущей рыбы, три молодые женщины в шутовских костюмах, чьи голоса звенели так же весело, как их колокольчики.

Мой нос вскоре сообщил мне, что мы приближаемся к кухне. Неразбериха вокруг нас нарастала до тех пор, пока мы не подошли к двери, у которой образовалась настоящая давка от входящих и выходящих людей. Коб остановился, и мы с Ноузи вместе с ним, и носы наши отчаянно заработали в сладостном предвкушении. Он посмотрел на толпу в дверях и нахмурился.

– Там полно народа. Готовятся к сегодняшней приветственной трапезе в честь Верити и Регала. Все до одного собрались в Оленьем замке, когда прослышали, что Чивэл отрекся от престола. На совет по этому поводу прибыли все герцоги, а кто не смог, прислал людей. Я слышал, что даже от чьурдов кто-то приехал. Они хотят убедиться, что все договоры остаются в силе теперь, когда Чивэл... – Он замолчал, внезапно смутившись. Потому ли, что говорил о моем отце, или потому, что обращался к щенку и шестилетке как к разумным созданиям, – я не знаю. Коб огляделся, оценивая ситуацию.– Подождите здесь,– сказал он нам наконец,– я проскользну туда и вынесу вам что-нибудь. Вряд ли на меня наступят... или поймают. Давайте, стойте здесь, – он подкрепил свою команду решительным взмахом руки. Я попятился к стене и сел там на корточках, в стороне от беспорядочного движения, а Ноузи послушно лег рядом со мной. Я одобрительно смотрел, как Коб подошел к двери и угрем проскользнул в кухню.

Когда он скрылся из виду, мое внимание обратилось к остальным суесящимся людям. В основном они были слугами или поварами, но встречались менестрели, торговцы и посыльные. С усталым любопытством я смотрел, как они приходят и уходят. Я уже слишком много видел в этот день, чтобы особенно заинтересоваться происходящим. Едва ли не больше, чем о еде, я мечтал о спокойном уединенном местечке вдали от всей этой сумятицы. Я сидел на земле, облокотившись спиной о нагретую солнцем стену замка и уткнувшись лбом в колени, а Ноузи лежал, прислонившись ко мне.

Меня разбудил прутик бьющего по земле хвоста Ноузи. Я поднял голову с колен и увидел перед собой пару высоких коричневых сапог. Глаза мои скользнули по грубым кожаным штанам и простой шерстяной рубашке к лицу человека с лохматой бородой и копной нечесаных волос. Мужчина, разглядывавший меня, держал на плече маленький бочонок.

– Незаконнорожденный, что ли?

Я слышал это слово достаточно часто и знал, что так называют меня, хотя и не понимал, конечно, всей полноты его значения. Лицо мужчины даже просветлело от любопытства.

– Хей,– громко сказал он, обращаясь уже не ко мне, а к входящим и выходящим людям, – тут этот незаконнорожденный, собственной

персоной! Сыночек Чивэла. Здорово похож на него, верно? Кто твоя мать, парень?

К их чести, большинство прохожих продолжали входить и выходить, ограничиваясь любопытным взглядом в сторону сидящего у стены шестилетки. Но очевидно, вопрос человека с бочкой представлял огромный интерес, потому что немало голов повернулось ко мне, а несколько вывалившихся из кухни торговцев подошли поближе, чтобы услышать ответ.

Но ответа у меня не было. Мама была мама, и то, что я знал о ней, уже начинало стираться из памяти. Так что я ничего не ответил, а только молча смотрел на него.

– Эй! Ну а звать-то тебя как? – И, повернувшись, он с чувством обратился к публике: – Я слышал, его и звать-то никак. Никакого королевского имечка, чтобы делать его характер, и даже никакого другого, чтобы ругаться на него, – сообщил он. – Чего, правда это, парень? Имя-то у тебя есть?

Толпа зевак росла. У некоторых в глазах была жалость, но никто не вмешивался. Что-то из того, что я чувствовал, перешло к Ноузи, который рухнул на бок, умоляюще показав свой животик и в то же время виляя хвостом. Это был древний собачий знак: мол, я всего лишь щенок, сжальтесь, я не могу себя защитить. Если бы они были собаками, то обнюхали бы меня и отошли, но у людей нет такого врожденного благородства, поэтому когда я не ответил, человек шагнул ко мне и повторил:

– У тебя есть имя, парень?

Я медленно поднялся, и стена, которая всего мгновение назад казалась моей спине теплой, сейчас стала холодным барьером на пути к отступлению. Ноузи у моих ног извивался в пыли, лежа на спине, и тихонько поскуливал.

– Нет, – промолвил я и, когда человек начал наклоняться ко мне, чтобы лучше слышать, закричал: – НЕТ! – и оттолкнул его, боком продвигаясь вдоль стены. Я увидел, как он, сделав шаг назад, споткнулся и выпустил бочку, которая упала на мощенную булыжником дорогу и треснула. Никто в толпе не мог понять, что случилось. Я тем более не понял, потому что многие смеялись, видя, как взрослый человек пятится перед ребенком. В это мгновение родилась моя репутация – репутация моего характера и силы духа, –

потому что еще до ночи рассказ о маленьком бастарде, оттолкнувшем своего обидчика, разошелся по всему городу. Ноузи вскочил и обратился в бегство вместе со мной. Я успел заметить лицо Коба, напряженное от смущения, когда он вышел из кухни с пирогами в руках и увидел, как мы с Ноузи убегаем. Будь это Баррич, я бы, вероятно, остановился и вверил свою безопасность ему. Но мальчик не был солдатом, так что я бежал вслед за опередившим меня щенком. Мы промчались через толпу слуг – всего лишь еще один мальчик с собакой, бегущий по двору, – и Ноузи отвел меня в то место, которое, очевидно, считал самым безопасным в мире. Далеко от кухни и внутренних зданий была ямка, которую вырыла Виксен под углом развалюхи. Там хранились мешки с горохом и бобами. Здесь, вдали от хозяйского взгляда Баррича, родился Ноузи. И здесь Виксен умудрялась прятать своих щенят почти три дня. Баррич сам нашел ее здесь. Его запах был первым человеческим запахом, который мог вспомнить Ноузи. Было очень трудно подлезть под здание, но нора внутри была теплой, сухой и полутемной. Ноузи прижался ко мне, и я обнял его. Здесь, в безопасности, наши сердца вскоре перестали бешено колотиться, мы сначала задремали, а потом перешли к глубокому сну без сновидений, свойственному теплу летнего вечера и щенятам.

Я проснулся, дрожа, через несколько часов. Было уже совсем темно, и недолговечное тепло ранней весны уже улетучилось. Ноузи проснулся вместе со мной, и вместе мы выскользнули из логова.

Над Оленьим замком слабо мерцало далекое ночное небо, звезды были яркими и холодными. Чувствовалась близость залива, как будто дневные запахи людей, лошадей и стряпни были вынуждены уступить место великой мощи океана. Мы шли по пустынным переходам мимо кортов для военных упражнений, мимо амбаров и винного пресса. Все было неподвижно и тихо. Когда мы стали приближаться к внутреннему зданию, я увидел, что факелы еще горят, и услышал, как кто-то разговаривает. Но во всем ощущалась усталость – это были последние вздохи гульбища, затихающие перед рассветом. Тем не менее мы далеко обошли внутреннее здание, потому что человеческого общества на сегодня нам вполне хватило. Я обнаружил, что иду за Ноузи назад к конюшням. Когда мы подошли к тяжелым дверям, я подумал, как же мы войдем, но хвост Ноузи быстро завилял, когда мы подошли ближе,

и даже мой жалкий нос ощутил в темноте запах Баррича. Он встал с деревянной переносной клетки, стоявшей у двери.

– Вот и вы,– успокаивающе сказал он.– Ну, валяйте, заходите. – И он встал, открыл нам тяжелые двери и ввел нас внутрь. Мы следовали за ним сквозь темноту между рядами стойл, мимо грумов и конюхов, привыкших ночевать в конюшне, и потом мимо наших собственных лошадей и собак к лестнице, поднимавшейся по стене, отделяющей стойла от клеток. Вслед за Барричем мы шли по скрипящим деревянным ступенькам, и он открыл еще одну дверь.

Тусклый желтый свет догорающей свечи на столе почти ослепил меня. Мы вошли в комнату с косой крышей, которая пахла Барричем, кожей, маслами, травами и мазями – составными частями его профессии. Дверь за нами закрылась, и когда он проходил мимо нас, чтобы зажечь новую свечку взамен стоявшей на столе, я почувствовал слабый винный запах. Свет стал ярче, и Баррич уселся в грубое деревянное кресло у стола. Он изменился: на нем был коричневый с желтым камзол из хорошей тонкой ткани, на груди висела тяжелая серебряная цепь. Он положил руку на колено ладонью вверх, и Ноузи немедленно подошел к нему. Баррич почесал его висячие уши и нежно похлопал по ребрам, поморщившись от поднявшейся при этом пыли. , – Славная вы парочка, – сказал он, обращаясь скорее к щенку, чем ко мне,– только посмотреть на вас! Грязные, как нищие. Я из-за вас сегодня лгал моему королю. Впервые в своей жизни. Похоже, опала Чивэла повлияет и на меня. Сказал ему, что вы выкупались и крепко спите, устав от путешествия. Он был недоволен, что ему придется подождать встречи с вами, но, на наше счастье, у него есть и более важные дела. Отречение Чивэла переполошило всех лордов. Некоторые хотят извлечь какую-то выгоду, другие недовольны тем, что обмануты королем, который был им симпатичен. Шрюд пытается их всех успокоить. Продолжает распускать слухи, что на этот раз именно Верити вел переговоры с чьюрдами. Теми, кто в это поверит, все равно нельзя будет пренебрегать, но они хотя бы задумаются о том, каким королем будет Верити, если займет трон. Чивэл бросил все и уехал в Ивовый Лес, и это взбаламутило все герцогство, будто он сунул палку в осиное гнездо.

Баррич оторвал взгляд от возбужденной мордочки Ноузи.

– Что ж, Фитц. Думаю, на сегодня тебя хватит всего этого. Напугал бедного Коба до смерти, когда убежал. Ну а теперь-то пришел в себя? Кто-то грубо с тобой обошелся? Следовало бы мне знать, что найдутся и такие, кто захочет свалить на тебя всю эту суматоху. Давай, иди сюда.

Я замялся, а он подошел к матрасику из одеял, устроенному у огня, и похлопал по нему:

– Смотри. Вот место для вас, оно готово. А на столе хлеб и мясо для вас обоих.

Его слова заставили меня обратить внимание на прикрытую тарелку на столе. Мясо, Ноузи верно почуял, и я тоже внезапно остро почувствовал этот запах. Бар рич засмеялся над тем, как мы бросились к столу, и молча одобрил то, что я выделил Ноузи хорошую порцию, прежде чем наполнил собственную тарелку. Мы наелись до отвала, потому что Баррич, очевидно, хорошо представлял себе, как голодны могут быть щенок и мальчик после целого дня обид и горестей. И потом, несмотря на наш недавний долгий сон, одеяла у огня стали вдруг ужасно соблазнительными. Наполнив желудки, мы свернулись калачиками перед пламенем, которое согрело наши спины, и заснули.

Когда мы проснулись на следующий день, солнце поднялось высоко, и Баррича с нами не было. Ноузи и я съели горбушку вчерашнего хлеба и дочиста обглодали кости, прежде чем покинуть комнату Баррича. Никто не остановил нас – собственно говоря, на нас вообще никто не обратил внимания.

Начинался новый день хаотического разгула. Замок был полон людьми. Сотни ног месили дорожную пыль, гул голосов перекрывал шум ветра и отдаленный рокот волн. Ноузи впитывал все вокруг – каждый запах, каждый звук. Я чувствовал отдаленную суету, и у меня кружилась голова. Пока мы шли, из обрывков разговоров я понял, что наше прибытие совпало с каким-то весенним праздником и народными гуляньями. Отречение Чивэла все еще было главной темой пересудов, но это не мешало выступлениям кукольников и фокусников. В одном из кукольных представлений отречение Чивэла уже было подано как похабная комедия. И я стоял, неузнанный, в толпе и размышлял над диалогом о засеивании полей соседа, который заставил взрослых рыдать от хохота.

Но очень скоро толпы народа и шум начали угнетать нас обоих, и я дал понять Ноузи, что хочу уйти от всего этого. Мы покинули крепость, выйдя из ворот в толстой стене мимо стражников, занятых флиртом с какими-то проходящими развеселыми девицами. Еще один мальчик с собакой вышел вместе с семьей торговца рыбой, стоит ли обращать на него внимание! Спутников получше видно не было, и мы пошли вместе с этим семейством по направлению к городу. Мы все больше и больше отставали от них. Появлялись новые запахи, Ноузи исследовал каждый из них и поднимал лапку на всех углах, и в конце концов мы бродили по городу только вдвоем.

Город Баккип был тогда ветреным и неудобным. Улицы были крутыми и кривыми, камни мостовой шатались и вылетали под колесами проезжающих повозок. Ветер ударил мне в ноздри непривычным запахом выброшенных на берег водорослей и рыбьей требухи, пронзительный крик чаек и других морских птиц казался некой сверхъестественной музыкой, перекрывающей ритмичный плеск волн. Город цеплялся за черные каменистые скалы, как моллюски и рачки лепятся к сваям мола, стоящего на заливе. Дома были каменные и деревянные, причем последние, сделанные более тщательно, стояли выше на каменистой поверхности и имели более основательные фундаменты.

Все казалось тихим и спокойным после праздничных толп в замке. Нам же не хватило ума и опыта понять, что прибрежный город неподходящее место для прогулок щенка и шестилетнего мальчика. Я осматривался по сторонам, а Ноузи жадно обнюхивал все по пути через улицу Булочников и площадь к лодочным сараям, стоящим у самой воды. Нам приходилось идти по деревянным пирсам так же часто, как по песку и камню. Здесь все шло как всегда, с небольшими уступками карнавальной атмосфере города наверху. Корабли должны заходить в доки и разгружаться, когда это позволяют прилив и отлив, и те, кто таким образом зарабатывает на жизнь, должны повиноваться тварям, имеющим плавники, а не человеческим обычаям.

Вскоре мы встретили детей. Некоторые из них выполняли мелкие поручения своих родителей, но некоторые лентяйничали, как и мы. Я легко сошелся с ними, не испытывая потребности во взрослом этикете представления или других подобных глупостях. Кое-кто из них был гораздо старше меня, но встречались и мои одногодки. Некоторые

были даже младше. Никто из них, казалось, не находил странным, что я брожу по городу сам по себе. Меня познакомили со всем стоящим внимания, включая раздувшийся труп коровы, который принесло приливом. Мы посетили строящееся новое рыбацкое судно в доке, заваленное кудрявой стружкой и сильно пахнущими смолой опилками. Оставленная без присмотра коптильня с рыбой обеспечила полуденное пиршество полудюжине ребятишек. Если эти дети и были более оборванными и грязными, чем те, кто проходил мимо, спеша по делам, я этого не заметил. И если бы кто-нибудь сказал мне, что я провел день в стае нищих сорванцов, которым запрещен вход в крепость из-за того, что они нечисты на руку, я был бы потрясен. В то время я знал только, что это был неожиданно прекрасный день, полный мест, куда можно было пойти, и вещей, которые можно было сделать.

Было несколько юнцов постарше и более отчаянных, которые не упустили бы случая поставить на уши вновь прибывшего, если бы Ноузи не был рядом со мной и не скалил зубы при каждом их неосторожном жесте. Поскольку я не выказывал ни малейшего желания покушаться на их права лидеров, мне было позволено следовать за ними. На меня произвели впечатление их тайны, и я рискнул бы сказать, что к концу этого вечера знал беднейшие кварталы города лучше, чем многие из родившихся в замке.

Меня не спрашивали об имени и называли просто Новичком. У остальных были самые обыкновенные имена, как, например, Дирк или Керри, или значащие – типа Рыбный Воришка или Расквашенный Нос. Последняя была девчонкой и могла бы быть прелестным маленьким существом, попав в более благоприятные условия. Она была на год или два старше меня, прямодушная, с острым и живым умом. Она поспорила с двенадцати летним мальчиком, совершенно не испугавшись его кулаков, и благодаря ее острому язычку вскоре все над ним смеялись. Она приняла свою победу спокойно и заставила меня благоговеть перед ее твердостью. Но синяки на ее лице и тонких руках цвели всеми оттенками фиолетового, синего и желтого, а корочка запекшейся крови под левым ухом только немного не соответствовала ее имени. Несмотря на это, Расквашенный Нос была веселой, и голос ее был звонче голоса чаек, кружившихся над нами. Поздним вечером Керри, Расквашенный Нос и я сидели на каменистом берегу за станками для починки сетей, и Расквашенный Нос учила

меня, как очищать камешки от крепко прилепившихся моллюсков. Она счищала их со знанием дела заостренной палочкой и показывала мне, как использовать ноготь, чтобы выгнать маленьких съедобных жильцов из их раковин, когда какая-то другая девочка окликнула нас. Аккуратный синий плащ и добротные кожаные туфли отличали ее от моих новых товарищей. Она не подошла, чтобы присоединиться к нашей охоте, а закричала:

– Молли, Молли, он ищет тебя повсюду. Пришел почти трезвый, час назад, и начал ругать тебя всеми словами, как только увидел, что ты ушла и огонь погас.

На лице Расквашенного Носа появилось отчаянное, упрямое выражение, смешанное со страхом.

– Беги, Киттни, и прихвати мою благодарность. Я не забуду тебя в следующий раз, когда с отливом появятся крабы.

Киттни наклонила голову, быстро повернулась и бросилась назад, туда, откуда пришла.

– У тебя неприятности? – спросил я, когда увидел, что Расквашенный Нос не собирается снова переворачивать камни в поисках моллюсков.

– Неприятности? – Она пренебрежительно фыркнула. – Это как посмотреть. Если отец сможет оставаться трезвым столько, чтобы найти меня, тогда, что ж, тогда у меня и правда могут быть неприятности. Но скорее всего, к вечеру он здорово напьется и не попадет в меня ничем из того, что будет швырять. Скорее всего! – повторила она твердо, когда Керри открыл рот, чтобы возразить. С этими словами она решительно повернулась к каменистому берегу и возобновила поиски.

Мы сидели над многоногим серым существом, которое нашли в лужице, оставленной приливом, когда хруст тяжелых сапог по заросшим водорослями камням заставил нас поднять голову. С криком Керри побежал по берегу, не останавливаясь и не оглядываясь. Ноузи и я отскочили назад. Ноузи припал около меня на передние лапы, храбро оскалившись, его трусливый хвостик загнулся вниз и щекотал нежный животик. Или Молли Расквашенный Нос не обладала такой быстрой реакцией, или покорялась тому, что должно было последовать за этим. Долговязый мужчина дал ей подзатыльник. Это был исхудалый костлявый человек с красным носом, а его кулак на тощей руке был

похож на узел, но удар оказался достаточно сильным для того, чтобы Молли растянулась на земле. Водоросли врезались в ее покрасневшие колени, и когда она поползла вбок, чтобы избежать неуклюжего пинка, которым он собирался наградить ее, я содрогнулся при виде соленого песка, забившего свежие царапины.

– Ах ты проклятая вероломная мускусная кошка! Разве я не говорил тебе, чтобы ты сидела дома и присматривала за обмакиванием? А ты торчишь на берегу и роешься в дерьме, сало же в горшке уже застыло. Они там в замке захотят еще свечей сегодня ночью, и что я им продам?

– Те три дюжины, которые я сделала утром. Это было все, что ты мне оставил, ты, старый

пьяница! – Молли вскочила на ноги и храбро встала перед ним, хотя глаза ее были полны слез.

– Что я должна была делать? Сжечь все дрова, чтобы держать сало мягким до тех пор, пока ты не притащишь наконец фитили, и тогда бы нам нечем было разогреть котел?

Человек покачнулся под очередным порывом ветра. До нас донесся его запах. Пот и пиво, рассудительно сообщил мне Ноузи. На мгновение человек показался мне огорченным, но затем боль в голове и переполненном пивом желудке снова ожесточила его. Он внезапно наклонился и схватил побелевшую ветку плавника.

– Ты не будешь так со мной разговаривать, ты, дикая тварь! Торчишь тут с нищими мальчишками, делаешь Эль знает что! Держу пари, что снова воровала в коптильне и позорила меня! Попробуй только убежать – и получишь вдвое, когда я тебя поймаю.

Она, должно быть, поверила ему, потому что лишь сжалась, когда он двинулся к ней, и подняла свои тонкие руки, чтобы защитить голову, но потом передумала и спрятала только лицо. Я стоял, оцепенев от ужаса, а Ноузи, которому передан мой страх, визжал и даже сделал лужицу у моих ног. Я услышал свист, когда дубинка опустилась. Сердце мое бешено заколотилось, и я **отпихнул** человека. Каким-то странным образом сила, наполнявшая меня, вылетела наружу из моего живота.

Отец Молли упал, как и человек с бочонком накануне. Но он не вскочил, а схватился за живот, его палка, никому не причинив вреда,